

Глава 1

Расположившись на зеленом плюшевом сиденье, Хейзел Моутс подался вперед. С минуту он глядел в окно, словно желая выпрыгнуть из поезда, а после обратил взор в проход, в другой конец вагона. Время от времени лес, через который ехал состав, расступался, и становилось видно солнце. Ярко-красное, оно висело в небе над самыми верхушками деревьев вдали. Чуть ближе изгибались, уходя в сторону, вспаханные поля, где рылись в земле кабаны, похожие на пятнистые камни.

Сидевшая напротив Хейза миссис Уолли Би Хичкок заметила, что ранний вечер — вот как сейчас — самое замечательное время дня. Затем эта пухлая коротконогая женщина в платье с розовыми оборками спросила, не согласен ли с ней Хейз.

Глянув на нее, попутчик вновь уставился в проход. Женщина проследила за его взглядом, но заметила лишь ребенка в соседнем купе и проводника, открывавшего шкаф с ширмами.

— Полагаю, вы едете домой? — спросила женщина у Хейза.

Она присмотрелась к попутчику: на вид и двадцати лет не дашь, однако держит на коленях жесткую широкополую шляпу, уместную для пожилого деревенского пастора; костюм ярко-синего цвета, и на рукаве все еще сохранился ярлычок с ценой.

Молодой человек и в этот раз не ответил, продолжая смотреть в одну точку. У его ног лежал армейский вещмешок, и по нему женщина заключила: юноша возвращается домой с военной службы. Вот бы увидеть ценник, узнать, во сколько обошелся костюм... Неожиданно для себя она поняла, что пытается не разглядеть ярлычок, а заглянуть попутчику в глаза — карие, глубоко посаженные. Кожа плотно обтягивала череп, и это притягивало внимание.

Ощувив некоторое раздражение, женщина перевела взгляд на ярлык с ценой. Костюм стоил одиннадцать долларов и девяносто восемь центов. Удовлетворенная, миссис Хичкок успокоилась, вновь посмотрела на лицо молодого человека: нос — как клюв сорокопута, от уголков рта тянутся длинные складки, волосы как будто слежались от постоянного ношения шляпы. Однако больше остального внимание приковали к себе глаза. Они были посажены столь глубоко, что казались уходящими во тьму тоннелями. Миссис Хичкок подалась вперед, желая заглянуть в них. Внезапно молодой человек развернулся к окну и почти так же неожиданно перевел взгляд обратно, на проход. А смотрел он на проводника.

Когда Хейз только сел в поезд, проводник — плотный мужчина с крупной желтоватой лысиной — стоял меж двух вагонов. Хейз остановился, и проводник взглядом указал ему на место в вагоне, куда следовало сесть. Хейз не шевельнулся, и негр раздраженно пояснил:

— Налево, налево.

Лишь тогда Хейз послушно проследовал в указанном направлении.

— М-да, — произнесла миссис Хичкок, — в гостях хорошо, а дома лучше.

Хейз посмотрел на плоское румяное лицо под шапкой рыжих волос. Женщина села в поезд две станции назад. Хейз ее прежде ни разу не встречал.

— Мне надо поговорить с проводником, — сказал он, встал и направился по проходу к проводнику, который в это время начал готовить спальные места. Остановившись рядом, молодой человек облокотился на ручку сиденья.

Проводник, не обращая на него внимания, продолжал расправлять ширму.

— Долго ты готовишь одно купе?

— Семь минут, — не глядя на Хейза, ответил негр.

Присев на подлокотник, Хейз сказал:

— Я из Истрода.

— Ошиблись поездом. Вам на другую линию надо.

— Еду в город. Я лишь имел в виду, что родился в Истроде.

Проводник не ответил.

— Истрод, — громче повторил Хейз.

Задержав ширму, проводник произнес:

— Спальное место приготовить? Или что вам еще надо?

— Истрод, это рядом с Мелси.

Проводник опустил спальную полку с одной стороны.

— Я из Чикаго. — Опустив вторую полку, он нагнулся, и на шее у него проступили три мясистые складки.

— Ну да, заметно, — насмешливо ответил Хейз.

— Вы ноги в проход выставили. Кто-нибудь о них споткнется, — заметил проводник, резко разворачиваясь и проходя мимо.

Подскочив, Хейз выгнулся, будто подвешенный к потолку за веревочку.

Проводник двинулся в другой конец вагона, прекрасно удерживая на ходу равновесие. Хейз узнал его — чернокожего по имени Паррум, из Истрода. Вернувшись к себе на место, Хейз ссутулился и поставил одну ногу на трубу, проходящую вдоль стенки, под окном. Разум его наполнился воспоминаниями об Истроде, постепенно перекинувшись на внешний мир, заполнившими пространство вокруг поезда и дальше, над пустыми, погружающимися в сумерки полями. Хейз заметил два дома, и дорогу цвета ржавчины, и негритянские лачужки, и сарай, и стойло, на стене которого трепетал клочок красно-белого плаката с рекламой банковских услуг.

— Так вы домой едете? — спросила миссис Хичкок.

Кисло взглянув на нее, Хейз стиснул в пальцах поля шляпы.

— Нет, не домой, — ответил он с резким гнусавым теннессийским акцентом.

Миссис Хичкок поведала, дескать, и она — не домой. А еще — что она до замужества носила фамилию Уэзермэн и что сейчас направляется во Флориду к замужней дочери Саре Люсиль. И что прежде на столь длинную поездку времени никак не хватало: слишком быстро происходят события, сменяя друг друга, и жизнь летит с такой скоростью... Не поймешь, молод ты или стар.

Спроси миссис Хичкок — и Хейз ответил бы: да, мол, она старая. Через некоторое время юноша попросту перестал ее слушать. В проходе вновь появился проводник — прошел мимо и даже не взглянул на Хейза.

Миссис Хичкок успела забыть, о чем говорила.

— Похоже, вы и сами к кому-то в гости едете?

— Мне надо в Толкинге, — сказал Хейз, ерзая на сиденье и отворачиваясь к окну. — Никого там не знаю, но хочу повернуть одно дельце. Никогда прежде такого не делал.

Искоса глянув на миссис Хичкок, Хейз криво улыбнулся.

Миссис Хичкок сказала, что знает в Толкинге некоего Альберта Спаркса, зятя ее свояченицы, который...

— Толкинге — не мой дом, — перебил ее Хейз. — Я просто еду туда, вот и все.

Миссис Хичкок заговорила было снова, и Хейз опять перебил ее:

— Вон тот проводник — мой земляк. Хотя говорит, что родился в Чикаго.

Миссис Хичкок заявила, будто бы знает одного человека из Чи...

— Смотрю, вам все равно, куда ехать.

Миссис Хичкок заметила, что время взаправду летит неуловимо. Она пять лет не видела племянников и вряд ли признает их, увидев сейчас. Всего племянников, детей сестры, у нее трое: Рой, Буббер и Джон Уэсли. Джону Уэсли шесть лет, и он написал письмо «дорогой отушке». «Отушка», так ее, тетюшку, зовут племянники; ее муж для них — ядушка (то есть дядюшка).

— Думаете, вы спасены? — спросил Хейз.

Миссис Хичкок поправила воротничок.

— Думаете, вы спасены? — переспросил Хейз.

Зардевшись, миссис Хичкок помедлила, ответив после, дескать, да, она так считает и жизнь для нее — дар Божий. Потом поинтересовалась, не голоден ли Хейз и не составит ли он ей компанию в вагоне-ресторане.

Нацепив черную-пречерную шляпу, Хейз поднялся и последовал за миссис Хичкок.

В переполненный вагон-ресторан выстроилась порядочная очередь. Хейз и миссис Хичкок прождали своего времени полчаса, раскачиваясь в проходе и ежеминутно вжимаясь в стенки, дабы пропустить живой поток. Миссис Хичкок нашла собеседницу, тогда как Хейзел Моутс молча смотрел перед собой. Миссис Хичкок рассказывала о том, как ее зять работает в Управлении городского водопровода, а женщина в ответ — о кузене, умирающем от рака гортани.

Наконец очередь подошла настолько близко к входу в ресторан, что стало видно, как внутри официант рассказывает пассажиров за столики и раздает им меню. То был белый мужчина с набриолиненными черными волосами — под стать лоснящемуся черному костюму. Похожий на ворона, официант метался от столика к столику; когда он пригласил войти еще двоих, Хейз и миссис Хичкок с собеседницей придвинулись к самому входу. Наконец двое или трое человек вышли, освободив места, и миссис Хичкок с собеседницей прошли в ресторан. Хейз — за ними.

— Только двое, — оттолкнул его официант.

Хейз побагровел. Развернувшись, он протиснулся мимо мужчины, стоявшего за ним в очереди, и направился было обратно в свой вагон, однако в проходе столпилось слишком много народу. Никто не хотел уступать. Наконец из-за самого дальнего столика поднялась женщина, и официант махнул рукой, приглашая на ее место следующего. Хейз втиснулся в проход между столиками, по пути умудрившись упасть на два из них и обмакнуть руку в чей-то кофе. Официант усадил Хейза за столик с тремя молоденькими девицами, разодетыми в пух и прах.

Руки с острыми красными ноготками они держали на столе. Не снимая шляпы, Хейз сел и вытер руку о скатерть. Девы закончили трапезу и теперь, болтая, курили.

Когда пришел Хейз, они умолкли. Официант стоял над душой, и Хейз ткнул пальцем в первое же блюдо в меню.

— Выпиши название, сынок, — сказал официант и подмигнул одной из девиц — та слегка хрюкнула.

Выписав название блюда, Хейз отдал меню официанту, и тот ушел.

Хейз мрачно и напряженно уставился на шею девицы напротив. Через равные промежутки времени точку, в которую смотрел Хейз, перекрывала рука с сигаретой: она шла вверх, затем вниз, пропадала из виду, ложась на стол, а через секунду в лицо Хейзу била струя табачного дыма. Спустя три или четыре затяжки Хейз посмотрел девице в лицо — наглое, как у бойцового петушка, в маленькие глазки, нацеленные прямо на него.

— Если вы спасены, — произнес Хейз, — то мне такого спасения даром не надо.

Он отвернулся и посмотрел в окно — на свое бледное, полупрозрачное отражение, сквозь которое проступал вечерний пейзаж. Мимо, разрезая воздух, пронесся товарный состав, и одна из девиц захохотала.

— По-вашему, я верю в Иисуса? — наклонившись к ней, спросил Хейз еле слышно, как будто воздуха в легких совсем не осталось. — Я не уверовал бы в него, живи он на самом деле. Путешествуй он с нами в одном вагоне — и то не уверовал бы.

— Да кому нужна ваша вера? — спросила в ответ девица с ядовитым восточным выговором.

Хейз подался назад.

Официант принес ужин, и Хейз принялся за еду — поначалу неспешно, но постепенно набирая темп, а девицы смотрели, как ходят у него на скулах желваки. Заказал Хейз нечто с яйцами и печенкой; доев это блюдо и выпив кофе,

он вынул из кармана деньги. Заметив наличность, официант, однако, не поспешил принести счет. Каждый раз, проходя мимо, он подмигивал девицам и косился на Хейза. Миссис Хичкок с собеседницей давно уже поели и покинули вагон-ресторан. Когда наконец принесли счет, Хейз грубо сунул деньги официанту и протиснулся мимо него к выходу.

Задержавшись в тамбуре, где был какой-никакой свежий воздух, Хейз свернул себе самокрутку. Заметив проводника, он крикнул:

— Эй ты, Паррум!

Негр не остановился.

Хейз проследовал за ним. Все спальные места в вагоне уже были готовы. Билетер на вокзале продал Хейзу место в купе, сказав, что иначе придется ехать сидя всю ночь. Хейзу досталась верхняя полка. Стянув с нее вещевой мешок, он отправился в уборную и там переоделся. Сытый Хейз спешил принять лежачее положение — лечь и смотреть в окно, как мимо проносится ночной сельский пейзаж.

Знак в купе сообщал, что проводник должен помочь пассажиру забраться на полку. Закинув мешок наверх, Хейз выглянул в коридор в поисках негра. Не заметив его в одном конце вагона, Хейз пошел искать в другом. Свернув за угол, он наткнулся на нечто розовое и плотное — ахнув, оно пробубнило:

— Осторожнее!

Это была миссис Хичкок в розовом пеньюаре с волосами, убранными в узелки, которые обрамляли голову на манер темных жабьих камней.

Женщина посмотрела на Хейза с сильным прищуром и попыталась протиснуться мимо, а Хейз — пропустить

ее, однако оба одновременно перемещались то влево, то вправо. Лицо миссис Хичкок налилось пурпурной краской (за исключением нескольких бледных пятнышек на лбу). Она встала и, подбоченившись, спросила:

— Что это с вами?

Улучив момент, Хейз прошмыгнул мимо нее и побежал дальше по коридору. Налетел на проводника и сбил его с ног.

— Идем, поможешь мне залезть на койку, Паррум.

Встав на ноги, шатаясь, проводник удалился по коридору и через некоторое время вернулся — с каменным лицом, неся лестницу. Хейз подождал, пока негр приставит ее к полке, затем стал взбираться к себе. На полпути он обернулся и произнес:

— Я помню тебя. Твой отец — ниггер по имени Кэш Паррум. Но домой ты не вернешься, да и никто не вернулся бы, даже если бы захотел.

— Я из Чикаго, — раздраженно ответил проводник. — И зовут меня не Паррум.

— Кэш помер. Подцепил холеру от свиньи...

Дернув нижней губой, проводник произнес:

— Мой отец — железнодорожник.

Хейз рассмеялся, а негр выдернул из-под него лестницу. Хейз чуть не грохнулся на пол. Некоторое время он пролежал на животе, цепляясь за простыни, не шевелясь. Потом перевернулся и, заметив, что тьма не абсолютна, огляделся: окна нет, ширма полностью скрывает спальное место, оставляя узкую щелку под изогнутым верхом, которую, казалось, можно было открыть и закрыть по желанию.

Какое-то время Хейз лежал неподвижно; в горле у него застряло что-то плотное, с яичным привкусом. Хейз боялся

повернуться — вдруг это нечто в горле пошевелится. Вот бы свет выключить. Хейз, все так же лежа на спине, протянул руку вверх и нащупал кнопку, нажал ее, и спальное место погрузилось во тьму, которая почти сразу рассеялась — от бледного света, проникающего из коридора сквозь узкую щелку. Хейз хотел совсем выключить свет, не ослабить его. В коридоре слышались шаги негра — ровные, уверенные; он прошел мимо, задевая зеленые ширмы, и вот поступь его стихла. Когда Хейз уже почти уснул, ему показалось, будто он вновь слышит ее, — проводник прошел мимо, задев ширму, не останавливаясь.

В полудреме купе казалось Хейзу гробом. Впервые он видел гроб на похоронах деда: ящик оставили в доме на ночь, подперев крышку хворостиной. Маленький Хейз смотрел на мертвеца и думал: уж его-то в гробу не заколотят. Когда деда станут накрывать крышкой, он выставит в щель локоть. Дед служил приходским священником и человеком был язвительным; он побывал в трех округах, неся засевшее в мозгу пчелиным жалом Слово Христа. Когда пришло-таки время погребения, старика в гробу накрыли крышкой и опустили в могилу, а он и не шевельнулся.

У Хейза было два маленьких брата: самый младший умер вскоре после рождения, и его похоронили в маленьком ящичке; среднего в семилетнем возрасте задавила машина, и гроб ему справили в половину обычной меры. Когда закрывали крышку, Хейз подбежал и вновь открыл ее. Народ шептался, дескать, у маленького Хейза разбито сердце, ему больно прощаться с братишкой, однако на деле Хейз представил, будто в гробу лежит он сам.

Потом Хейзу приснились похороны отца. Старик встал в гробу на четвереньках и прокричал:

— Пока мой ящик не коснулся земли, никто меня в нем не закроет!

Гроб принесли на кладбище, сбросили в могилу, и отец лег в нем, как и полагается покойнику.

Поезд дернулся, и Хейз пробудился. Спросонья он подумал, что в ту пору в Истроде, наверное, жило человек двадцать пять, из которых трое — Моутсы. Теперь в Истроде ни Моутсов, ни Эшфилдов, ни Блейзенгеймов, ни Фейзов, ни Джексонсов... ни Паррумов. Черномазых и то не осталось. По дороге Хейз видел потемневший заколоченный магазин, покосившийся сарай и маленький домик, съехавший с фундамента, без крыльца и пола в гостиной.

Когда Хейз покидал родные пенаты, все было иначе и в Истроде оставалось еще десять человек, хотя Хейз и не заметил, как число жителей сократилось со времен его отца. Хейз покинул дом в восемнадцать лет — армия призвала его в свои ряды. Сначала парень думал прострелить себе ногу, остаться дома и сделаться священником, как дед. Священник вполне может быть и хромым, его сила — в голосе, языке и руках. Дед на автомобиле «форд» успел объехать три округа. Каждую четвертую субботу он садился в машину и гнал в Истрод спасать тамошних людей от геенны огненной; приехав на место и еще не успев покинуть машины, начинал громогласную проповедь. Люди толпились у «форда», словно бы дед того и ждал. Затем он забирался на капот машины; продолжая проповедь, по временам вскарабкивался на самую крышу и вещал уже оттуда.

«Вы, люди, словно камни, — кричал дед. — Но Иисус спас всех. Его душа на земле была столь одинока, что Он умер — за всех отдал жизнь, отдал, спасая души людей! Понятно ли? За каждую окаменевшую душу Иисус умер миллионом смертей, Его распинали, пригвождая к кресту,

по миллиону раз за каждую душу! — В этот момент старик указывал на Хейза, к которому питал особое отвращение, поскольку мальчик вышел точная копия деда, и дед видел в том издевательство. — Понятно ли, что и за этого мелкого, глупого грешника, стоящего тут и сжимающего грязные кулачишки, Иисус умрет десять миллионов раз и лишь потом дозволит потерять душу? Спаситель будет гнаться за мальчиком по глади моря грехов. Ясно ли, что Христос ходит по глади моря грехов, аки посуху? Мальчик спасен, и Христос не оставит его во веки вечные. Не дозволит забыть о Спасении. Ибо что, по разумению грешника, ждет человека в конце? А ждет человека Иисус!»

Мальчик не хотел слушать дедовых проповедей. Глубоко в его душе созрела темная бессловесная убежденность: уйти от Спасителя можно, избавившись от греха. В свои двенадцать лет Хейз уже знал, что станет проповедником. Позднее Иисус явился ему в отдаленном уголке воображения: Спаситель, эта страшная, оборванная фигура, переходил от дерева к дереву, маня Хейза за собою во тьму, где не видно, что под ногами. Он вполне мог заманить Хейза на водную гладь, и Хейз, не ведая глубины, ступил бы на нее и утонул.

Ему хотелось остаться в Истроде, где глаза смотрят ясно, в руках — привычный инструмент, под ногами — знакомая почва и с языка не слетает лишнего слова. Когда же армия призвала Хейза, тот решил: это уловка, дабы ввести его во искушение. И он бы прострелил себе ногу, если бы не верил твердо в силу души, в то, что вернется, отслужив положенный срок, непорочным. От деда Хейзу досталось не только лицо, но и крепкая вера в способность противостоять злу. Если бы правительство задержало Хейза в армии дольше, чем на четыре месяца, он так и так оставил бы

службу. Четыре месяца, не больше — столько в восемнадцать лет Хейз и думал отдать стране, однако отдал четыре года жизни. Ни разу не приехав домой.

На службу он прихватил с собой Библию в черном кожаном переплете и материнские очки в серебряной оправе. Хейз ходил в сельскую школу, где научился писать и читать, а заодно тому, что учение для него бесполезно. За всю жизнь он прочел одну лишь Библию. Взрослый Хейз к Писанию обращался нечасто и надевал очки, которые чересчур утомляли глаза, и прекращать чтение приходилось довольно скоро.

Любому, кто предложил бы осквернить себя, Хейз намеревался ответить, дескать, он родом из Истрода, что в Теннесси, куда и намерен позже вернуться, дабы нести Слово Господне людям; дескать, ни правительству, ни любой другой стране, куда бы ни определила Хейза военная служба, не соблазнить его на грехопадение.

Проведя несколько недель в военном лагере в компании друзей — не друзей, конечно, в привычном понимании этого слова, но сослуживцев, — Хейз наконец дождался заветного момента приглашения. Достав из кармана очки и нацепив их на нос, он ответил: ни за миллион долларов, ни за пуховую перину он не пойдет никуда; он родом из Истрода, что в Теннесси, и его душу не осквернить ни правительству, ни любой другой стране, куда бы... Однако голос юноши дрогнул, и речь осталась незавершенной. Хейз, пытаясь крепиться, смотрел на товарищей, и те заявили: никому его чертова душонка не нужна, разве только священнику. На это Хейз выдал из себя: ни один священник, ни даже папа римский не соблазнят его, Хейза, на грех. Сослуживцы сказали, мол, нет у человека никакой души, и скопом отправились в бордель.

Хейз долго пытался поверить им и наконец поверил, потому как верить хотел. Хотел поверить и тем избавиться от души. Он углядел замечательную возможность избавиться от нее без грехопадения, обратившись ко злу. Армия отослала Хейза за полмира от дома и позабыла его. Парня ранили, и армия вновь вспомнила о нем — лишь для того, чтобы выковырять из груди шрапнель. Врачи якобы извлекли все осколки, однако ни одного не показали. И потому Хейз считал, будто в груди у него еще оставался металл — ржавея и отравляя кровь.

Затем Хейза отправили в другую пустыню и вновь наглухо позабыли о нем. У Хейза появилось достаточно времени, дабы заглянуть в глубь себя и убедиться: души у него нет. Когда убеждение окрепло, Хейз понял: в груди жжет от давно знакомого чувства — тоски по дому. И Иисус тут совсем ни при чем.

Когда же армия отпустила Хейза, он тешил себя мыслью, что остался непорочен. Единственное, чего ему хотелось, — вернуться домой, в Истрод. Библия в черном кожаном переплете и очки лежали в целости и сохранности на дне вещмешка. Ни одной книги Хейз так и не прочел, и Библию хранил как память о доме. Очки же таскал при себе — на случай если зрение все же ослабнет.

Два дня назад, отслужив, Хейз оказался в городе за три сотни миль к северу от желанного места и напрямик отправился в билетную кассу железнодорожного вокзала. Там купил билет до Мелси, ближайшей от Истрода станции. Ждать оставалось еще четыре часа, и Хейз заглянул в галантерею. Лавка была узкая, в ней пахло картоном, и чем дальше Хейз проходил, тем глубже становился царивший в магазинчике сумрак. Купив синий костюм и черную шляпу, Хейз попросил упаковать армейскую форму в бумажный

пакет, который выбросил в мусорку на углу. На улице он заметил, что костюм ярко-синий, а контуры шляпы как будто стали жестче.

В пять вечера Хейз прибыл в Мелси, где сел на попутный грузовик, везущий хлопковые семена. С ним преодолел половину расстояния до Истрода. Вторую половину пути Хейз шел пешком и домой добрался к девяти, когда только-только стемнело.

Родной дом стоял черен, как сама ночь, открытый для нее; покосившийся забор и сорняки, проросшие сквозь доски веранды, Хейз приметил тотчас же, но то, что от дома остался один лишь костяк, выеденная скорлупа, осознал не сразу. Свернув в трубочку конверт и подпалив его от спички, Хейз вошел внутрь и побрел по пустым комнатам. Когда первый конверт догорел, Хейз запалил другой и вновь отправился бродить по пустому строению. В ту ночь он спал на полу кухни; от потолка отвалилась доска и упала Хейзу прямо на голову, оцарапав лицо.

В доме ничего не осталось, кроме платяного шкафа. Мать всегда спала на кухне, и потому шкаф из орехового дерева перетащили туда же. Миссис Моутс заплатила за него тридцать долларов и больше не позволяла себе крупных покупок. Кроме мотка шпагата в верхнем ящике, Хейз не нашел ничего. Странно, что никто не пришел и не украл такой шкаф. Примотав его ножки к половицам, Хейз оставил в каждом ящике по записке: «Это шкаф Хейзела Моутса. Кто украдет — того догоню и убью».

Засыпая, он думал, что матери спокойнее в могиле теперь, когда шкаф охраняется. Пусть приходит как-нибудь ночью и посмотрит. А вдруг-таки придет? Со встревоженным лицом, которое Хейз видел в щелочку под крышкой гроба. Хейзу тогда было шестнадцать лет. Когда гроб

накрывали крышкой, на лицо матери упала тень, и уголки губ словно оттянуло вниз — покойнице как будто не понравилась смерть. Казалось, она вот-вот выпрыгнет из гроба, откинув крышку, и полетит искать радости... но гроб заколотили.

У матери вполне могло возникнуть желание выпрыгнуть из него, улететь. Хейз видел ее во сне — страшную, похожую на гигантскую летучую мышь, как она вырывается из гроба, летит, но ее настигает и прихлопывает тьма. Хейз видел изнутри, как темнота сгущается, отрезая путь в гроб свету, а проснувшись, понял: щель, сквозь которую льется из коридора бледный свет, закрывается. Он подскочил и просунул в нее голову и плечи. Повиснув на ширме, заметил в дальнем конце вагона проводника — тот белым пятном застыл в темноте коридора и смотрел на Хейза.

— Я болен, — позвал Хейз. — Меня нельзя запирать в этой штуковине. Выпустите.

Проводник не пошевелился.

— Господи, — произнес Хейз. — Иисусе.

По-прежнему не двигаясь с места, проводник с мрачным торжеством в голосе ответил:

— Иисуса давно уже нет.

Глава 2

В город он приехал только к шести вечера. Когда поезд остановился на узловой станции, Хейз вышел подышать воздухом, зазевался, и поезд ушел без него. Хейз побежал следом, но с головы сорвало шляпу, и пришлось мчаться в обратную сторону. По счастью, Хейз прихватил вещмешок с собой — дабы из него никто ничего не стянул. Он прождал шесть часов, пока не прибыл другой поезд в нужную сторону.

Едва сойдя на станции в Толкингеме, Хейз обратил внимание на огни и вывески: «Орешки», «Вестерн юнион», «Аякс», «Такси», «Отель», «Сласти»... Большая часть вывесок была электрическая, они то поднимались, то опускались или безумно мигали. Хейз медленно побрел по станции, прижимая к груди вещмешок, глядя по сторонам — сначала на одну рекламу, потом на другую... Пройдя станцию от начала до конца, Хейз вернулся, словно намереваясь сесть на следующий поезд и уехать. Под полями шляпы его лицо выглядело решительным и суровым. Пусть никто не узнает, что Хейзу некуда податься. Раза два или три он прошелся вдоль зала ожидания, однако присаживаться на лавку не стал. Хотелось найти уединенное местечко.

Хейз отошел в торец вокзала и толкнул перед собой дверь; черно-белая надпись гласила: «Мужской туалет. Для белых». Хейз вошел в узкое помещение, по одну сторону которого тянулись ряды моек, по другую — деревянные кабинки. Стены, некогда веселого ярко-желтого цвета, ныне приобрели грязно-зеленый оттенок и были покрыты различными надписями да изображениями частей тел, как мужских, так и женских. На каких-то кабинках еще сохранились дверцы, и на одной красовалась надпись цветным карандашом: «Добро пожаловать!!!», а рядом — нечто похожее на змея. Эту кабинку Хейз и выбрал.

Усевшись на стульчак, он принялся изучать надписи, сделанные изнутри, пока не наткнулся на одну, видимо, оставленную пьяной рукой (на левой стенке, над туалетной бумагой): «Миссис Леора! Бакли-роуд, 60. Самая гостеприимная постель в городе! Брат».

Достав из кармана карандаш, Хейз записал адрес на оборотной стороне конверта.

Покинув здание вокзала, он поймал желтое такси и назвал водителю — коротышке в большой кожаной кепке и с сигарой в зубах — адрес. Через несколько кварталов Хейз заметил, что таксист косится на него в зеркало заднего вида.

— Ты ведь не ее дружок, верно? — спросил водитель.

— Первый раз к ней еду, — ответил Хейз.

— Откуда знаешь про нее? Не часто она проповедников принимает. — Разговаривал таксист уголками рта, держа сигару точно посередине.

— А я и не проповедник, — нахмурился Хейз. — Имя и адрес списал в туалете.

— Выглядишь как святоша. Шляпа проповедническая.

— Неправда, — возразил Хейз, наклоняясь и кладя руку на спинку переднего сиденья. — Шляпа как шляпа.

Такси остановилось у небольшого одноэтажного дома между бензоколонкой и пустырем. Покинув автомобиль, Хейз сунул деньги водителю в окно.

— Не только в шляпе дело, — подсказал таксист. — Взгляд у тебя этакий...

— Послушайте, — произнес Хейз, прикрывая полями один глаз, — никакой я не проповедник.

— Понимаю. Никто на этой Божьей зеленой земле не совершенен, будь то поп или кто иной. Лучше всего проповедник расскажет об ужасе греха, если знает о нем не понаслышке.

Хейз наклонился к самому окну, случайно ударившись лбом и шляпой о кузов машины. Шляпа села ровно, выражение на лице разгладилось.

— Слушайте сюда и запомните: ни во что я не верю.

Таксист вынул изо рта пенек сигары.

— Прямо вот так и не веришь? — спросил он, изумленно раскрыв рот.

— Повторять не собираюсь.

Водитель снова взял сигару в зубы.

— В этом ваша беда, проповедники, — произнес он. — Вы слишком хороши, чтобы верить во что-то.

Сказав так, он уехал с выражением надменного благочестия на лице.

Хейз обернулся к дому: тот был немногим больше хибары, в одном окне горел теплый свет. Подойдя к крыльцу, Хейз заглянул в щелку в ставнях и увидел крупное белое колено. Затем отошел к передней двери и толкнул ее — оказалось не заперто, и Хейз прошел в небольшой затемненный коридор с дверьми по обеим сторонам.

Дверь слева имела трещину — из нее в прихожую проникал узкий столбик света. Через щель Хейз увидел миссис Уоттс. Та сидела на белой железной кровати и большими ножницами стригла ногти на ногах. Это была крупная женщина: темно-желтые волосы и белое лицо, лоснящееся под слоем ночного крема, — в розовой сорочке, которая подошла бы даме куда меньших пропорций.

Хейз дернул за ручку, и миссис Уоттс обратила на дверь цепкий, смелый и пронзительный взгляд. С минуту она смотрела в сторону Хейза, а после вернулась к стрижке ногтей.

Хейз вошел и огляделся: из мебели в комнате стояли кровать, комод и кресло-качалка, заваленная грязным бельем. Хейз приблизился к комоду и потрогал пилку для ногтей, пустую баночку из-под желе, одновременно глядя на отражение миссис Уоттс в пожелтевшем зеркале. Слегка удивленная, она смотрела на гостя и улыбалась. Чувствуя, как нервы напряглись до предела, Хейз быстрым шагом преодолел расстояние до кровати и сел на дальний ее край. Глубоко вдохнул одной ноздрей и принялся осторожно водить ладонью по простыням.

Миссис Уоттс облизнула розовым язычком нижнюю губу. Она была рада Хейзу, словно старому другу.

Хейз слегка подвинул в сторону тяжелую и теплую ногу хозяйки. Рот миссис Уоттс раскрылся в широкой улыбке, обнажившей маленькие, острые, чуть зеленоватые и далеко отстоящие друг от друга зубы. Женщина схватила Хейза за руку, чуть повыше локтя, и медленно, растягивая слова, спросила:

— Охотишься на кого-нибудь?

Если бы не крепкая хватка миссис Уоттс, Хейз сиганул бы в окно. Рот юноши невольно исторг беззвучный ответ:

— Да, мэм.

— Задумал что-нибудь? — спросила миссис Уоттс, притягивая к себе Хейза.

— Послушайте, — тщательно подбирая слова, ответил он. — Я к вам по обычному делу.

Рот миссис Уоттс округлился, как будто хозяйка удивлялась столь расточительному употреблению слов.

— Чувствуй себя как дома, — просто сказала она.

С минуту они смотрели друг на друга не шевелясь. Затем Хейз голосом выше обычного предупредил:

— Вам следует знать: я, черт возьми, не священник.

Миссис Уоттс оглядела Хейза с легкой насмешкой и свободной рукой по-матерински пощекотала его за подбородок.

— Ну и ладно, сынок. Mamочка не возражает.

Глава 3

Следующим вечером Хейзел Моутс шел по центру города вдоль витрин магазинов, стараясь в них не заглядывать. Черное небо словно подпирали серебристые полосы, похожие на строительные леса, а позади них тысячи звезд складывались в неспешную постройку вселенной, которая завершится лишь к концу времен. Из горожан на небо никто не смотрел; для них в ночь четверга двери магазинов оставались открытыми — предоставляя лишнюю возможность зайти и присмотреть покупку. Тень плелась следом за Хейзом, временами забегаая вперед или сталкиваясь с тенями прохожих; однако, предоставленная самой себе, она вновь отходила Хейзу за спину — такая тонкая, беспокойная, идущая назад.

Хейз шагал, вытянув шею, будто напав на след чего-то, что постоянно вытягивали у него из-под носа. От яркого света витрин синий костюм юноши казался пурпурным.

Через некоторое время Хейз остановился перед универсамом. У самого входа выставили карточный стол, на котором худощавый мужчина демонстрировал картофелечистку. Одетый в небольшую парусиновую шляпу и рубашку с рисунком в виде перевернутых фазанов, перепелов

и бронзовых индеек, он старался говорить тихо, не перебивая уличного шума, — как в приватной беседе. У стола собралось несколько человек, а на самом столе стояли два ведра: пустое и полное картофельных клубней. Между ведрами художник сложил пирамидку из зеленых коробочек и на ее вершине оставил одну картофелечистку открытой, готовой для демонстрации. Поверх этого своеобразного алтаря художник указывал то на одного человека, то на другого, призывно повторяя: «Как насчет вас?» Вот он выбрал мокроволосого прыщавого парнишку и произнес:

— Ты ведь не пройдешь мимо?

Он опустил в машинку — квадратный металлический ящичек — картофельный клубень и принялся вращать красную ручку. Клубень провалился в недра машинки и через секунду выпал из нее в пустое ведро — чистый, белый.

— Мимо не пройдет!

Парнишка загоготал и обернулся на других собравшихся. У него были желтые волосы и лицо, похожее на лисью мордочку.

— Тебя как звать? — спросил продавец.

— Енох Эмери, — ответил парнишка и шмыгнул носом.

— Юноша с таким звучным именем не может не иметь столь замечательной вещи, — провозгласил художник, закатывая глаза и стараясь разогреть остальную публику.

Кроме парня, никто не рассмеялся. Поначалу. Затем человек напротив Хейзела Моутса издал смешок — неприятный, резкий. Это был высокий, похожий на мертвеца мужчина в черном костюме, брюнет, в темных очках. Из-за полос на скулах, словно бы нарисованных и выцветших, мужчина казался похожим на оскалившегося мандири. Отсмеявшись, он выступил вперед, неся в одной

руке чашку, а во второй белую трость — ею он ощупывал дорогу впереди себя. Вслед за мужчиной несла брошюры девушка в черном платье и глубоко натянутой на лоб черной вязаной шапочке, из-под которой выбился краешек каштановой челки. Лицо у девушки было длинное, носик — короткий и острый.

Внимание публики тут же обратилось на черную пару, отчего торговец картофелечистками немало разозлился.

— Как насчет тебя, да, тебя? — позвал он, указывая на Хейза. — Ни в одном магазине такой выгодной покупки тебя не ждет.

Хейз посмотрел на слепца и девушку.

— Эй! — позвал Енох Эмери, потянувшись мимо женщины и толкая Хейза в плечо. — С тобой говорят! С тобой.

Еноху пришлось толкнуть Хейза дважды, прежде чем тот обратил наконец внимание на продавца.

— Купи одну из этих штучек и отнеси домой женошке!

— Нет у меня жены, — пробормотал Хейз, вновь отворачиваясь и глядя на слепца с девушкой.

— Зато есть любимая мать-старушка?

— Нет.

— Фу-ты ну-ты, — произнес худоллицый, складывая ладони чашечкой и обращаясь к публике. — Значит, ему нужна такая штучка для себя, чтобы не остаться совсем одному.

Енох Эмери от смеха согнулся пополам и хлопнул себя по коленкам. Хейзел Моутс как будто ничего не слышал.

— Первому, кто купит у меня картофелечистку, я бесплатно отдам полдюжины очищенных клубней, — заявил худоллицый. — Ну, поспешите! Всего полтора доллара за машинку, которая в любом другом месте стоила бы все три!

Енох Эмери принялся рыться в карманах.

— Вы еще благословите тот день, когда повстречали меня, — посулил худолицый. — Вы его не забудете. Никто из тех, кто приобрел у меня такую машинку, не забудет сегодняшний день!

Слепец осторожно выступил вперед, бормоча:

— Помогите слепому проповеднику. Если не желаете покаяться, так хотя бы подайте пять центов. Я распоряжусь ими не хуже вас. Помогите слепому безработному проповеднику. Разве не лучше, когда священник просит подаяния? Ну же, подайте пять центов, если не желаете каяться.

У стола и без того собралось не много народу, а услышав слепца, люди начали расходиться. Продавец машинок, сверкая глазами, перегнулся через стол.

— Эй, ты! — закричал он слепцу. — Ты что себе позволяешь? Распугал покупателей!

Слепой священник не обратил на него внимания. Продолжая звенеть кружкой, он шел себе дальше; девушка раздавала брошюры. Пройдя мимо Еноха Эмери, священник приблизился к Хейзу и чуть не ударил его по ноге тростью. Наклонившись к лицу проповедника, Хейз заметил, что полосы на лице — не рисунок, а шрамы.

— Какого черта! — продолжал орать продавец машинок. — Я собрал этих людей, так что не встрейвай!

Девушка протянула брошюру Хейзу, и тот схватил бумаги, на лицевой стороне которых надпись гласила: «Иисус взывает к тебе».

— Да кто ты такой, черт возьми?! — не унимался худолицый.

Девочка подошла к нему и протянула бумаги. Глянув на них и скривившись, продавец картофелечисток резко

вышел из-за стола. На ходу он опрокинул ведро с картошкой.

— Проклятые фанатики! — заорал он, оглядываясь и ища взглядом слепца.

Постепенно собирался народ, желая поглазеть, из-за чего сыр-бор.

— Чертовы коммунисты! Понаехали! — вопил продавец. — Это я толпу собрал!.. — Он резко умолк, заметив, что у стола и правда собралась куча народу.

— Люди, люди, — сменил тон худолицый, — не толпитесь, по одному, на всех хватит. Полдюжины клубней первому, кто купит у меня картофелечистку. — Он вернулся на место и спокойно стал показывать коробочки с машинками. — Подходите, не толкайтесь — на всех хватит.

Полученную от девушки брошюру Хейз открывать не стал. Он лишь взглянул на обложку последний раз и разорвал бумаги пополам. Затем сложил половинки и порвал снова. Рвал брошюру до тех пор, пока от нее не осталась пригоршня конфетти. Уронив их на землю, Хейз обернулся и увидел, что девушка стоит не далее как в трех футах от него. Стоит и смотрит, раскрыв рот, блестящими глазками, похожими на два осколка бутылочного стекла. На боку у девушки висела джутовая сумка. Хейз, сердито глядя на спутницу слепого, в ответ принялся вытирать липкие руки о штанины брюк.

— Я тебя видела, — сказала девушка и поспешила отойти к слепцу, который стоял сейчас у карточного стола. Оттуда она снова обернулась и посмотрела на Хейза. Почти вся толпа к тому времени рассосалась.

Продавец картофелечисток перегнулся через стол к слепому проповеднику и спросил:

— Эй, понял, а? Понял, как в чужие дела вмешиваться?